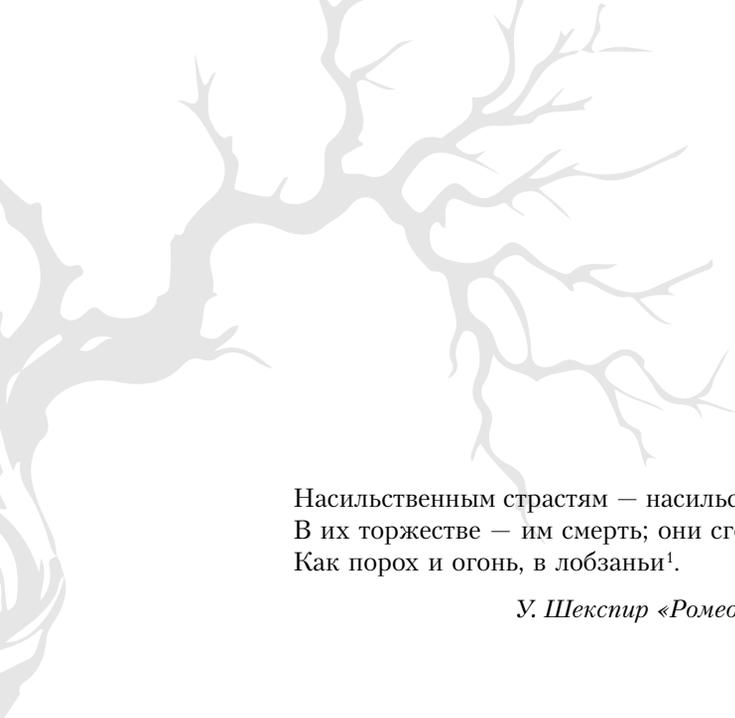

*Моему отцу Стивену Моргану:
никто и никогда не получал столько
заботы и безоговорочной поддержки,
сколько давал и оказывал мне ты.*

Я тоже тебя люблю.

Насильственным страстям — насильственный конец:
В их торжестве — им смерть; они сгорают,
Как порох и огонь, в лобзании¹.

*У. Шекспир «Ромео и Джульетта»,
акт 2, сцена 6*

¹ Перевод А. А. Григорьева. — *Примеч. пер.*

Пролог

Я чувствовала себя так, словно увязла в одном из жутких кошмаров, когда нужно бежать, мчаться, пока не разорвутся легкие, но невозможно заставить тело двигаться достаточно быстро. Казалось, мои ноги переступали все медленнее, пока я продиралась сквозь равнодушную толпу, но стрелки огромных башенных часов не замедляли своего хода. С безжалостной и бездушной силой они неумолимо двигались к концу — концу всего.

Но это был не сон, и, в отличие от кошмара, я спасала не *свою* жизнь. Я мчалась, чтобы сохранить нечто куда более драгоценное. Сегодня моя собственная жизнь мало что для меня значила.

Элис говорила о большой вероятности того, что мы обе можем здесь погибнуть. Возможно, исход был бы иным, если бы она не попала в ловушку яркого солнечного света. Только мне дозволялось бежать через залитую солнцем, полную людей площадь. Но быстро бежать я не могла.

Так что мне было неважно, что мы оказались окружены чрезвычайно опасными врагами. Когда часы начали отбивать время, своим звоном отдаваясь в ступнях моих еще двигавшихся ног, я поняла, что опоздала. И радовалась тому, что

нечто кровожадное ждало где-то сбоку. Ибо, потерпев неудачу, я лишилась желания жить.

Часы пробили еще раз... Солнце, стоявшее в самом зените, ярко светило.

Глава 1

ВЕЧЕРИНКА

Я была на 99,9 процента уверена, что мне снится сон. Причины моей уверенности заключались в том, что, во-первых, я стояла в ярком столбе солнечного света — ослепительно-яркого, какого никогда не бывает в моем заливаемом дождями городке Форкс, штат Вашингтон. А во-вторых, я смотрела на бабушку Мэри. Бабуля уже шесть лет как умерла, и это четко подтверждало версию сна.

Она почти не изменилась: лицо ее было таким, каким я его запомнила. Мягкая, иссохшая кожа, испещренная массой крохотных морщинок, плавно обтягивающая кости лица. Она походила на высохший абрикос, но только с копной пышных седых волос, обрамлявших голову, словно облако.

Наши губы — только ее с умудренным жизнью лукавством — почти одновременно растянулись в одинаковой полуулыбке. Она явно также не ожидала меня увидеть. Я хотела задать ей вопрос. Их у меня оказалось много. Что она делает в моем сне? Чем она занималась в последние шесть лет? В порядке ли дедушка и нашли ли они друг друга? Но она открыла рот одновременно со мной, так что я умолкла, чтобы дать ей сказать первой. Она тоже замешкалась, и мы обе улыбнулись этой заминке.

— Белла?

Позвала меня не бабушка, и мы обе повернулись, чтобы посмотреть, кто еще присоединился к нашему небольшому семейному междусобойчику. Мне не надо было поднимать глаза, чтобы узнать, кто это. Этот голос я узнала бы везде — узнала бы и откликнулась, во сне или наяву... или даже на том свете. Голос, ради которого я прошла бы сквозь огонь — или, более прозаично, каждый день шлепала бы под холодным и нескончаемым дождем.

Эдвард... Хотя при виде его я всегда испытывала восторг, осознанный или нет, и была *почти* уверена, что это сон, я запаниковала, когда Эдвард направился к нам, освещенный ярким солнечным светом. Бабуля не знала, что я влюблена в вампира — этого никто не знал, — и как мне тогда объяснять тот факт, что сверкающие солнечные лучики отражались от его кожи тысячами радужных осколков, словно он состоял из кристаллов или алмазов?

Ну, бабуль, ты, наверное, заметила, что мой бойфренд блестит. На солнце с ним такое случается. Так что не волнуйся...

Что же он делает? Ведь единственная причина, по которой он жил в Форксе, самом дождливом месте в мире, заключалась в том, что здесь он мог выходить на улицу днем, не выдавая при этом свою семейную тайну. Но сейчас он приближался ко мне с очаровательной улыбкой на ангельском лице, словно я была одна.

В ту секунду я пожалела, что стала исключением для его загадочного дара. Обычно я благодарила судьбу за то, что была единственным человеком, чьи мысли он не читал с такой легкостью, словно их произносили вслух. Однако сейчас мне очень хотелось, чтобы он меня услышал, услышал предостережение, которое я буквально выкрикивала — внутренним голосом.

Бросив на бабушку испуганный взгляд, я поняла, что опоздала. Она уже поворачивалась, чтобы посмотреть на меня, и в ее глазах читалась такая же тревога, как и в моих.

Эдвард — все с той же чудесной улыбкой, от которой мое сердце было готово вырваться из груди, — обнял меня за

плечи и повернулся к бабуле. Выражение ее лица изумило меня. Вместо ужаса она смотрела на меня с такой покорностью, будто ждала, что ее отругают. И стояла она в очень странной позе: одна рука неуклюже отведена от тела, вытянута и немного загнута. Словно она обнимала кого-то невидимого...

Тут я заметила окружавшую бабушку большую позолоченную раму. Ничего не понимая, я подняла свободную руку — ту, которой не обнимала Эдварда за талию, и вытянула ее вперед, чтобы коснуться бабули. Она в точности повторила это движение, словно в зеркале. Но там, где должны были соприкоснуться наши пальцы, оказалось лишь холодное стекло...

После головокружительного удара мой сон внезапно превратился в кошмар. Не было никакой бабушки. В зеркале оказалась я — древняя старуха, ссохшаяся и морщинистая. Рядом со мной стоял Эдвард, не отражавшийся в зеркале, нестерпимо красивый и навсегда семнадцатилетний. Он прижался ледяными, изящными до совершенства губами к моей впалой щеке.

— С днем рождения, — прошептал он.

Я вздрогнула и проснулась. Открыв глаза, я ахнула: ослепительное солнце, которое я видела во сне, сменилось мутным серым светом, знакомым светом туманного утра. *Это сон*, сказала я себе. *Всего лишь сон*. Я сделала глубокий вдох и снова вздрогнула, когда зазвонил будильник. Календарь в углу дисплея сообщил мне, что сегодня тринадцатое сентября.

Это был всего лишь сон, но в какой-то степени вещей. Сегодня мой день рождения. Мне официально исполнилось восемнадцать лет.

Многие месяцы я со страхом ждала этого дня. Все дивное лето, самое счастливое лето в моей жизни, самое счастливое лето в жизни *любого* человека и самое дождливое лето в истории полуострова Олимпик этот унылый день таился в засаде, ожидая своего часа. И теперь, когда он настал, все

оказалось даже хуже, чем я думала. Я физически чувствовала, что стала старше. Я каждый день становилась старше, но как-то по-иному, ощутимо. Вот мне и восемнадцать. А Эдварду никогда столько не исполнится.

Я пошла чистить зубы и, взглянув в зеркало, немного удивилась тому, что лицо в нем не изменилось. Я разглядывала себя, выискивая хоть какие-то признаки морщинок на своей белой с кремовым оттенком коже. Единственным их подобием оказались линии на лбу, и я знала, что если мне удастся расслабиться, то они исчезнут. Но расслабиться я не смогла. Брови озабоченно сомкнулись над беспокойно сверкавшими карими глазами.

Это всего лишь сон, снова напомнила я самой себе. Всего лишь сон... но еще это мой самый жуткий кошмар.

Завтракать я не стала, торопясь поскорее выскользнуть из дома. Но встречи с папой избежать все-таки не удалось, так что несколько минут мне пришлось изображать радость. Я честно пыталась восхищаться подарками, которые просила его мне *не дарить*, но каждый раз, пытаясь улыбнуться, изо всех сил старалась не расплакаться.

По дороге в школу я попробовала взять себя в руки. Мне нелегко было прогнать стоявший перед глазами образ бабушки. Я не хотела воспринимать его как свое собственное отражение и ощущала лишь отчаяние, пока не оказалась на знакомой стоянке за зданием средней школы и не заметила Эдварда, который неподвижно стоял, прислонившись к своему блестящему серебристому «Вольво», словно мраморная статуя какого-то забытого языческого бога красоты. Он ждал *меня* — так же, как и раньше. Отчаяние моментально исчезло, сменившись удивлением. Даже после шести месяцев наших отношений я все никак не могла поверить в то, что заслужила такую милость судьбы.

Его сестра Элис стояла рядом и тоже ждала меня. На самом деле Эдвард и Элис не были родственниками (в Форксе царило убеждение, что все Каллены-младшие являлись приемными детьми доктора Карлайла Каллена и его жены Эсми, слишком молодых, чтобы иметь детей-подростков), но

отличались одинаково бледной кожей, необычным золотистым оттенком цвета глаз и синими кругами под ними. Лицо у Элис, как и у Эдварда, было изумительно красивым. Для людей знающих — вроде меня — эти схожие черты указывали на то, кем они были на самом деле.

Вид поджидавшей меня Элис — со сверкающими от радостного возбуждения желтоватыми глазами и квадратным серебристым свертком в руках — заставил меня нахмуриться. Я же говорила ей, что не нужно ничего — вообще ничего — дарить мне на день рождения. Очевидно, на мои просьбы и пожелания не обратили никакого внимания. Я захлопнула дверь своего пикапа «Шевроле» 1953 года — на мокрый асфальт посыпалась ржавчина — и медленно направилась к ним. Элис вприпрыжку бросилась ко мне. Ее по-детски кукольное личико светилось от радости под жесткими черными волосами.

— С днем рождения, Белла!

— Тсс! — прошипела я, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что ее никто не слышал. Только торжеств мне не хватало в этот черный день.

Элис не обратила на мое предупреждение никакого внимания.

— Хочешь сейчас открыть подарок или попозже? — нетерпеливо спросила она, пока мы шли туда, где нас ждал Эдвард.

— Никаких подарков, — протестующе пробормотала я.

Похоже, она наконец заметила мое настроение.

— Ну, ладно... тогда попозже. Тебе понравился альбом для фотографий, который тебе прислала мама? А камера от Чарли?

Я вздохнула. Конечно же, она знала, что мне подарили на день рождения. Эдвард не единственный в семействе обладал необычным даром. Элис «увидела», что затевают мои родители, едва они об этом подумали.

— Да, очень классно.

— А *по-моему*, прекрасная мысль. В выпускной класс переходишь один раз в жизни. Можно все это запечатлеть для потомков.

— А сколько раз *ты* переходила в выпускной класс?

— Это совсем другая история.

Мы подошли к Эдварду, и он протянул мне руку. Я с радостью пожалала ее, на мгновение забыв о своем мрачном настроении. Кожа у него, как всегда, была гладкой, непроницаемой и очень холодной. Он легонько сдавил мои пальцы. Я посмотрела в его темно-желтые глаза, и сердце у меня екнуло. Почувствовав это, он снова улыбнулся, поднял другую руку и провел холодным пальцем по контуру моих губ, сказав при этом:

— Как и договорились, мне не следует поздравлять тебя с днем рождения, верно?

— Да, верно. — Мне никогда не удавалось точно воспроизвести его ясное, четкое произношение и интонацию. Этому, наверное, могли научить только много лет назад.

— Просто хотел еще раз убедиться. — Он провел рукой по взъерошенным золотисто-каштановым волосам. — Ты ведь могла и передумать. Большинство людей, похоже, обожают все эти штучки с днями рождения и подарками.

Элис рассмеялась звонким, серебристым смехом, прозвучавшим как трель колокольчиков.

— Конечно же, тебе очень понравится. Сегодня все должны тебя поздравлять и исполнять все твои желания. Что же плохого может случиться? — спросила она, словно задавая риторический вопрос.

— Старение, — наконец ответила я, произнеся это слово не таким ровным тоном, как мне бы хотелось.

Эдвард поджал губы.

— Восемнадцать — это еще не старение, — заметила Элис. — Разве женщины обычно не ждут двадцати девяти, чтобы начать переживать насчет дней рождения?

— Я уже старше Эдварда, — пробормотала я.

— Чисто формально, — ответила она непринужденным тоном. — Да и то всего лишь на год.

И тут я подумала... если бы я могла быть *уверена* в том, что меня ждет будущее, о котором я мечтаю, уверена, что проведу вечность с Эдвардом, Элис и остальными Каллена-

ми (предпочтительно не как маленькая иссохшая старушка)... тогда плюс-минус годик-другой не значили для меня так уж много. Но Эдвард буквально в штывки воспринимал любое будущее, которое бы меня меняло. Любое будущее, которое уравнило бы меня с ним и тоже сделало бессмертной. Он называл это тупиком.

Если честно, я не очень понимала Эдварда. Что хорошего в том, чтобы быть смертным? А быть вампиром не так и ужасно — по крайней мере, если судить по жизни Калленов.

— Во сколько ты у нас появишься? — сменила тему Элис. По ее лицу я поняла, что она настроилась именно на то, чего я надеялась избежать.

— А я и не знала, что должна там появиться.

— Ой, да ладно тебе, Белла! — надулась она. — Ты же не хочешь испортить нам все веселье, а?

— Я думала, что в свой день рождения смогу делать то, что захочу.

— Я привезу ее от Чарли сразу после школы, — сказал сестре Эдвард, совершенно не обращая на меня внимания.

— Мне надо на работу, — запротестовала я.

— Вообще-то не надо, — надменно произнесла Элис. — Я уже поговорила об этом с миссис Ньютон. Она поставит тебя в другую смену. Просила поздравить тебя с днем рождения.

— Я... я не смогу приехать, — выдавила я, ища какую-нибудь отговорку. — Я, ну, еще не посмотрела для занятий «Ромео и Джульетту».

— Да ты «Ромео и Джульетту» наизусть знаешь, — фыркнула Элис.

— А вот мистер Берти сказал, что нам нужно посмотреть постановку, чтобы полностью понять и оценить, как все это намеревался преподнести Шекспир.

Эдвард закатил глаза.

— Ты ведь уже посмотрела фильм, — с упреком в голосе произнесла Элис.

— Но не экранизацию шестидесятых годов прошлого века. Мистер Берти считает, что она самая лучшая.